

“BABYLON” AS A FACTOR OF NATIONAL CONSOLIDATION: EUROPEAN AND UKRAINIAN ASPECTS

S. Storozhuk, Candidate of Philosophy, Associate Professor
National University of Life and Environmental Sciences of Ukraine,
Ukraine

The author has presented the significance of the language as the factor of national consolidation on the basis of analysis of theoretical heritage of foreign and Ukrainian thinkers. It was demonstrated that common language could be an important integrative factor. However it does not reveal all the complexity of national unity. It is underlined that modern Ukrainian «Babylon» does not contribute to national consolidation.

Keywords: Babylon, nation, language, national consolidation factor, cultural world.

Conference participant,
National championship in scientific analytics

Сегодня в Украине наблюдается массовый интерес к проблеме языка. Многочисленные публикации на эту тему в прессе имеют преимущественно полемический, агитационный или обвинительный характер. Чаще всего эти работы случайны и фрагментарны, а поэтому переполнены скорбящей эмоциональностью и осторожностью, вследствие чего, они не очень способствуют формированию сознательного патриотизма и активной позиции в вопросах национальной и языковой экзистенции. Значительной части этих публикаций свойственна псевдонаучность, которая иногда носит антиукраинский характер.

Принимая во внимание необходимость научно-незаангажированного подхода к решению проблемы языка в контексте формирования современной украинской нации, на наш взгляд, довольно своевременным есть обращение к теоретическому наследию тех зарубежных мыслителей, которые занимались данной проблемой. Среди них: Й. Фихте, Г. Гердер, В. Гумбольдт, Ф. Шляермахер, К. Каутский, Е. Ренан, К. Гирц, Б. Андерсон и т.д. Среди украинских исследователей следует вспомнить П. Кулиша, А. Потебню, В. Старосольского, О. Бочковского, Л. Рэбета и даже В. Антоновича, который в отличие от упомянутых исследователей всю свою жизнь отрицал нациотворческое значение языка. Однако, на склоне своей жизни, в 1905 г., по официальному поручению историко-филологического факультета, Киевского университета святого

«ВАВИЛОН» КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ: ЕВРОПЕЙСКИЙ И УКРАИНСКИЙ КОНТЕКСТ

Сторожук С.В., канд. филос. наук, доцент
Национальный университет биоресурсов
и природопользования Украины, Украина

На основании анализа теоретического наследия зарубежных и отечественных мыслителей в статье освещено значение языка как фактора национальной консолидации. Показано, что общность языка может стать важным интегративным фактором, однако не раскрывает всей сложности национальной общности. Подчеркнуто, что современный украинский «Вавилон» не содействует национальной консолидации.

Ключевые слова: Вавилон, нация, язык, фактор национальной консолидации, культурный мир.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике

Владимира, профессор В. Антонович подготовил «Записку в деле ограничений украинского языка» [2, с. 192]. В этой записке ученый утверждает, что указ 1876 г. запрещает в Российской империи книги на украинском языке отнюдь не за их содержание. Кроме того, речь идет о запрете украинского языка, на котором разговаривает много миллионов людей. Это тормозит развитие народа, противодействуя его приобщению к культурной жизни, независимо от того, как называть украинский язык («языком, наречием, говором или диалектом») [4, с. 89]. Выводы В. Антоновича являются аргументированными и полностью подтверждают немаловажное значение языка для культурного развития и национальной консолидации.

Анализируя влияние языка на процесс национальной консолидации, следует напомнить, что взаимосвязь нации и языка первым обосновал Й.Г. Фихте. Он рассматривал язык как один из главных признаков национального отличия. По мнению немецкого исследователя, язык формирует глубинную органическую связь людей, а потому его нельзя рассматривать лишь как систему языковых «абстракций», она включает весь «чувственно-образный способ выражения». За словами Й.Г. Фихте, «не народ высказывает свое сознание, а его собственное сознание говорит из него» [12, с. 124]. Аналогичные мысли высказывали и немецкие романтики: Й.Г. Гердер, В. Гумбольдт и Ф. Шляермахер.

Фактически, Й.Г. Фихте и немец-

кие романтики рассматривали язык, как главный источник внутренней, личной, и общественной жизни. Это не удивительно, ведь полностью очевидно, что язык, с одной стороны, воспроизводится и переживается каждым отдельным человеком, а, с другой – выступает архивом переживаний и мыслей народа, свидетелем его соревнований и судьбы. Именно поэтому, сущностью языка выступает не слово, а содержание, которое с этим словом ассоциируется в сознании человека.

Идеи немецкого романтизма относительно значения языка как фактора национальной консолидации нашли свое яркое отображение в украинской теоретической мысли: сначала проблему защиты украинского языка поставил П. Кулиш, со временем свое теоретическое оформление она нашла в творчестве А. Потебни. Украинский исследователь, аналогично Й.Г. Фихте, убежден в том, что «Язык, это не только известная система образов познания... Язык вместе с другим, – это путь осознания эстетических и моральных идеалов, и в этом отличие языков не менее важное, чем в отношении к познанию» [8, с. 259]. Кроме того, ученый сравнивает язык со зрением, поскольку в то время как наименьшие изменения в строении глаза и деятельности зрительных нервов непременно влияют на все мировосприятие человека, так же и наименьшие изменения в строении языка служат причиной иных комбинаций мышления. А. Потебня доказывает, что язык выступает одним из главных и обязательных признаков единс-

тва народа, другими словами, орудием национального сознания. Язык всегда возникает как продукт «народного духа», именно поэтому в языке выражается национальная специфика народа, его мировоззрение.

Принципиальное значение для философии несут раздумья А. Потебни относительно двуязычия, которое не только широко навязывалось в советское время всем нерусским народам, но и широко пропагандируется в современной Украине. В частности, украинский мыслитель уверен, что «Человек, который разговаривает на двух языках, переходя от одного к другому, меняет, вместе с тем, и характер и направление течения мысли» [8, с. 260]. Кроме того, знание двух языков в раннем возрасте, по мнению А. Потебни, есть довольно вредным, поскольку усложняет достижение целостности мировосприятия, мешает научной абстракции, раздваивает системы изображения и общения. Эти выводы полностью подтверждает педагогическая теория начала XX века. В этом контексте, следует вспомнить Международный конгресс в Люксембурге (1928), где специалисты решительно отбрасывали двуязычие и обосновывали необходимость обучения в школе на родном языке [3].

Таким образом, как немецкие так и украинские романтики рассматривали язык не как внешний признак, «который можно поменять на шаровары с вышитой сорочкой и смокинг» [5, с. 117], не меняя при этом национальную идентичность, а как важную составляющую внутреннего мира человека и сообщества, которое объединяется с его помощью. По их мнению, язык органически объединен с психикой людей, с глубинами сознательного и подсознательного. Фактически, «язык – это дом духа» (М. Хайдеггер), в том числе и того, что делает англичан англичанами, французов французами, а украинцев украинцами.

Вслед за романтиками (как немецкими так и украинскими), которые рассматривали язык как внутренний психологический признак сообщества, мыслители начала XX века считали, что язык можно рассматривать как внутренний демаркатор общества и внешний признак наций. Например,

К. Каутский определяет нацию как «языковое общество», а современную нацию как общество литературного языка [3]. Подобные идеи высказывали и шведский социолог Р. Челлен, и чешский нациолог Б. Клинебергер, и украинский патриот митрополит И. Огиенко.

Действительно, такие утверждения имеют рациональное зерно, ведь если предположить, что в нынешней Франции население и дальше говорит на кельтском, франкском и латинском языках, то целиком очевидно, что вместо одной французской нации существовало бы три, а Франция была бы не национальным государством, а государством национальностей. Именно поэтому во время национального подъема французов – время большой революции, – они позаботились о плановой языковой ассимиляции еще не совсем романизованных или офранцузенных провинций с помощью сети школ, и, таким образом, французский народ стал естественной, национальной единицей [9, с. 136-137].

Анализ зарубежной и украинской философии XIX – начала XX века, приводит к мысли, что язык может рассматриваться не только как важный фактор национальной консолидации, но и как внутренний и внешний демаркатор национального сообщества. Конечно же, на этом можно было бы закончить исследование, уверенно утверждая о том, что нация – это языковое сообщество, вследствие чего она требует языковой гомогенности. Однако, все упомянутые мыслители (зарубежные и украинские) принадлежат к «органической» версии примордиализма – направления, главные принципы которого, полностью опровергнуты модернистами (Э. Геллнер, Э. Хобсбаум, Э. Гиденс, Г. Манн, Б. Андерсон и др.). Они убеждены в том, что язык нельзя рассматривать как фактор нациостроения, ведь его общность выступает результатом политического единства [11, с. 61-260].

Полностью очевидно, что аргументы модернистов имеют рациональное зерно, которое подтверждает уже упомянутый пример Франции. Однако даже в пределах этого направления есть исключения. В частности, Б. Андерсон, вообще соглашаясь с

общими положениями модернизма – о современном характере национальных сообществ, о влиянии капитализма на них развитие и европоцентризм, – все же убежден, что «Вавилон» или языковая разнородность есть одним из доиндустриальных факторов формирования национальных сообществ.

Ученый подчеркивает, что еще религиозные сообщества или культурные миры – христианский, исламский и культура срединного царства (в современном толковании китайский), – строились на основании языкового принципа. По этому поводу он пишет: «Безмолвные священные языки были посредниками, с помощью которых воображались глобальные сообщества прошлого» [1, с. 38]. При этом реальность таких представлений была обусловлена идеей онеслучайности знака. Например, в исламской традиции практически до нашего времени господствовала мысль о невозможности перевода Корана, а в христианском мире велись дискуссии относительно достойного языка (латыни или родного разговорного) для масс. Домоиндустриальный мир неотделим от языка, вследствие чего онтологическая реальность неотделимая от священного языка, который в свою очередь, и определяет границы религиозного (или культурного) сообщества.

Несмотря на всю грандиозность, сформированных на основании священных текстов, культурных миров, Большие географические открытия и постепенная потеря руководящих позиций латынью, вследствие печатного капитализма, содействовали формированию новых языковых общностей. В частности, Б. Андерсон подчеркивает, что Вавилон, в доиндустриальном обществе игрывал небольшое значение, однако, когда капитализм и печать создали одноязычную массовую читающую публику, именно он способствовал возникновению наций. Это, по мнению ученого, состоялось тогда, когда издательство книг перестало быть интернациональным делом. Открыты и использованы Протестантизмом как литературные, национальные языки, постепенно вытеснили латынь и заложили фундамент для формирования новых сообществ – национальных. Со временем нация как

воображаемое политическое сообщество стало властвовать над человеческим умом и социальной организацией.

Следует заметить, что выводы Б. Андерсона относительно языкового определения культурных (и национальных) сообществ подтверждает и публичное заявление куратора «Фонда развития русского языка» Л. Путиной. Она утверждает, что «границы России проходят там, где и границы русского языка», ведь «Русский язык объединяет людей в русский мир – совокупность тех, кто разговаривает и думает на этом языке» [7]. Однако, такие публичные заявления, основаны на политической спекуляции, относительно языковой проблематики, дают основания утверждать, что язык есть важным, но не определяющим фактором национальной идентификации. Язык, как утверждает Л. Ребет, «может облегчить объединение общества в целость, но на его основании нельзя предполагать существования одной нации» [9, с. 137]. Очевидно, что ни славянские, ни германские, ни романские языковые группы не дают наций. Не вызывает сомнения и то, что русскоязычное украинское население составляет часть украинской, а не русской нации.

Не смотря на то, что много авторитетных исследователей отождествляет язык и нацию (Й.Г.Фихте, Й.Г.Гердер, А.Потебня и др.), есть и такие, которые рассматривают язык как довольно неустойчивый внешний ее признак. Эту мысль развивает французский лингвист А. Мэйе. Он, исследуя европейские языки, отмечает, что почти все народы Европы меняли свой язык, а тем более все они имели способность к изучению других языков [3]. Ярким примером этого есть ирландцы. Они не смогли уберечь национальный язык, однако, не потеряли чувства национальной идентичности. Именно это дает возможность М. Веберу, Ф. Й. Нойману, Э. Ренану, О. Бауэру, В. Старосольскому, Ф. Рацелю, П. Милюкову и другим утверждать, что нация – это что-то большее чем язык, она может формироваться, не имея своего национального языка [3]. По этому поводу достаточно справедливым есть замечание Э. Ренана, который в своей известной лекции «Что

такое нация» утверждает, что язык только приглашает к единению, но не принуждает к нему. В человеке есть что-то свыше языка – это его желание. Разве нельзя иметь те самые чувства и мысли, любить те самые вещи, имея разные языки?» [10, с. 259]. Эти слова ученого не следует забывать, поскольку в человеке, как показывает история национализма, на первом месте должны стоять человеческие идеалы, и только потом национальные.

Проведенный нами анализ, дает возможность утверждать, что язык способствует национальной консолидации. Достаточно часто он становится главным основанием внутренней идентификации группы, что, довольно убедительно, показали Й. Фихте иромантики. Соответственно, язык есть одним из тех факторов, которые содействуют повышению уровня комплиментарности социальной группы, трансформируя ее в нацию. Именно поэтому языковая общность является особенно важным фактором становления нации в период ее зарождения. Однако целиком очевидным есть и то, что язык, не отображает всей сложности наций, о чем свидетельствует национальное двуязычие или потеря языковой обособленности на определенном этапе развития нации. В любом случае, нравится нам или нет, мы должны признать, что имеющаяся общность языка может способствовать формированию нации, но также, эта общность, может выступать и результатом нациотворческого процесса. Именно поэтому, почти все (включая старые и развитые нации – Англию, Францию, Германию, США и т.д.) нации уделяют значительное внимание языковой политике. Пользуясь опытом развитых европейских наций современная украинская власть, разрабатывая программы национальной консолидации, вместе с другими проблемами, должна обратить особое внимание на языковую политику, которая должна быть национальной, то есть направленной на развитие украинского языка.

References:

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма /

Б. Андерсон. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. – 288 с. – ISBN 5-93354-017-3.

2. Антонович В. Записка в справі обмежень української мови / В.Антонович // Антонович В. Моя сповідь : вибрані іст. та публіцист. твори. – К. : Либідь, 1995. – (Пам'ятки історичної думки України). – Режим доступу до роботи : <http://litopys.org.ua/anton/ant08.htm>

3. Бочковский О. Вступ до націології [Електронний ресурс] / Ольгерт Бочковский. – Мюнхен, УТГІ, 1991-1992. – Режим доступу до книги: <http://www.ukrstor.com/ukrstor/natiologia24.html>

4. Гринів О. Українська націологія: ХІХ – початок ХХ століття [Історичні нариси] / Олег Гринів. – Львів: Світ, 2005. – 288 с. – ISBN 966-603-408-5.

5. Іванишин В., Радевич-Винницький Я. Мова і нація / В. Іванишин, Я. Радевич-Винницький. – Дрогобич: Видавнича фірма «Відродження», 1994. – 218 с. – ISBN 5-7707-5898-8.

6. Картунов О. Західні теорії нації. Плюралізм думок, дефініція понять / О. Картунов // Віче. – 1996. – № 6.

7. Лизанчук В. Мова – безпека української нації [Електронний ресурс] / В. Лизанчук // «Дзеркало тижня» – № 34 – 18 Вересня – 2010. – Режим доступу до статті : <http://www.dt.ua/articles/61068?section=newspaper#article>

8. Потебня А.А. Эстетика и поэзия / Александр Потебня. – М.: Искусство, 1976. – 614 с. – (История эстетики в памятниках и документах).

9. Ребет Л. Теорія нації / Лев Ребет. – Мюнхен, В-во «Сучасна Україна», 1955. – 199 с.

10. Ренан Е. Що таке нація /Ернест Ренан // Націоналізм. Антологія [Текст] / упоряд. О. Проценко, В. Лісовий ; літ.ред. Л. Білик. – К. : Смолоскип, 2000. – С. 253-264. – (Наукове товариство ім. Вячеслава Липинського).

11. Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор теорий современных наций и национализма / Э. Смит. – М.: Праксис, 2004. – 464 с. – ISBN 5-901574-39-7.

12. Фіхте Й. Г. Промови до німецької нації / Й. Г. Фіхте // Мислителі німецького Романтизму. – Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 2003. – 588 с. – ISBN 966-668-016-5 588.